

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ

доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета ПетрГУ
akulov@onego.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСВОЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРА (ОБЩИЙ ПОДХОД)

В статье предпринята попытка сформулировать общий подход к исследованию процессов, протекающих в экономике Севера в условиях глобализации. Представляется, что изменения затрагивают глубинные основы функционирования такой экономики. Это находит свое выражение в возрастании роли относительных издержек, что делает Север вполне конкурентоспособным с другими территориями.

Ключевые слова: глобализация, ограниченность ресурсов, рентный характер экономических отношений, абсолютные и относительные издержки

В последние десятилетия XX века проходили динамичные изменения в мировой экономике, сопровождающиеся резким ростом экономической активности в Арктике (на Севере). Постараемся понять основные причины таких серьезных подвижек во взаимодействии человека с веществом природы, в ходе которого создаются новые блага и услуги. Нам представляется, что ключевыми здесь являются такие экономические процессы, как: *глобализация, ограниченность ресурсов и рентный характер экономических отношений* [1].

Начнем с проблемы *глобализации* [2].

Экономическая теория, рассматривая процессы интернационализации, исходит из следующей схемы причинно-следственных связей, подтвержденных фактами исторического развития: национальная экономика – внешняя торговля, интернационализация процесса обращения (создание мирового рынка) – вывоз капитала, интернационализация процесса производства (создание мирового капиталистического хозяй-

ства) – «сцепление» национальных воспроизводственных комплексов, интернационализация процесса воспроизводства капитала (капиталистическая интеграция) – создание мирохозяйственных институтов, интернационализация экономических (рыночных) институтов – глобализация.

Понятно, что каждый этап развития всесторонне рассматривается не только экономистами, но и представителями других областей знания. Заметим, что в этой схеме присутствует многовариантность, например на стадиях вывоза капитала (вывоз ссудного и предпринимательского капитала) и интеграции (европейский и североамериканский типы экономической интеграции) [3].

Что касается глобализации, то экспорт и импорт национальных и создание интернациональных рыночных институтов создают подлинную множественность конкретных форм ее реализации (существования). Особая роль, например, для России состоит в возможностях функционирования национальных (российских) экономических субъектов в рамках междуна-

родных или национальных (других стран) институтов с большей экономической эффективностью, чем в рамках российских национальных рыночных институтов [4].

Особая специфика у процессов глобализации применительно к объекту нашего анализа – Арктике (Северу), ее сухопутным и морским пространствам. Это связано с малочисленностью или даже отсутствием постоянного населения в этом районе и некоторыми проблемами в определении юрисдикции арктических морей (споры между Россией и Норвегией и Россией и США). Существующие правовые международные нормы решают далеко не все вопросы, связанные с закреплением морских акваторий за национальными государствами. Споры в науке о границах континентального шельфа [5] также не добавляют определенности в данном вопросе. Все сказанное оказывает негативное влияние на хозяйственную деятельность в Арктике и на ее продуктивность (эффективность).

Казалось бы, Мировой океан и морские просторы Арктики вне зоны национальной юрисдикции и континентального шельфа являются достоянием всего человечества, но, когда речь идет об их освоении, сразу же на первый план выдвигаются экономические интересы, и прежде всего – национальные. Это становится не фактором развития, а препятствием к вовлечению данных природных ресурсов в мирохозяйственный оборот (прежде всего это относится к углеводородным ресурсам, нефти, газу, так как в области рыбопромысловой деятельности человечество все-таки выработало достаточно эффективные формы международной координации, оформленные в виде Международных конвенций).

В связи с этим стоит высказаться и о *принципе ограниченности (недостаточности) ресурсов для экономического развития* (основном экономическом принципе, который предполагает необходимость выбора из ограниченных ресурсов при данном уровне технологии и издержек) [6].

Как нам представляется, мы не можем говорить об абсолютном дефиците ресурсов. На сегодняшний день человечество добывает минеральные ресурсы (прежде всего нефть, газ и уголь) максимум с глубины 2–4 км при радиусе нашей планеты 6400 км. А кроме суши есть еще Мировой океан, в воде которого растворены миллиарды тонн минеральных ресурсов, которые нам (человечеству) пока недоступны.

Правильным будет говорить об *относительной* ограниченности ресурсов. Ресурсов для хозяйственной деятельности недостаточно с точки зрения общественно признанных (общественно необходимых) издержек их вовлечения в хозяйственный оборот. Именно с таких позиций мы можем говорить о невозможности сегодняшнего вовлечения в экономический оборот углеводородных ресурсов российской Арктики. А завтра?

Если принять за наиболее вероятный сценарий будущего развития мировой экономики рост потребности в углеводородном сырье и скачок в технологии (технике) добычи таких ресурсов, то через 20–30 лет углеводородные ресурсы российской Арктики вполне будут востребованы для нужд хозяйственного развития.

Следовательно, они перестанут быть недоступными и избыточными, каковыми человечество числит их в настоящее время. Это означает, что обострится международная конкуренция на континентальном шельфе и в арктических морях за месторождения нефти, газа и газового конденсата. Если при этом российская Арктика будет безлюдной или малолюдной, то это вполне может быть воспринято нашими конкурентами как доказательство «ничейности» данных ресурсов со всеми вытекающими для нашего Отечества выводами.

Вероятно, именно в рамках данного сценария (подхода) стоит рассматривать выход наделавшей много шума на Западе книги Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятие. Как коммунистические плановики заморозили Россию» [7]. Достаточно простой и очевидный вывод авторов – Россия непригодна для эффективной экономики вследствие неблагоприятных природно-климатических условий (что же здесь говорить об Арктике, где гигантские просторы и практически очень мало постоянного населения?) [8].

Экономическая теория, кстати, достаточно давно уже ответила на вопросы, поднятые указанными выше авторами (и их заказчиками?!). Об этом чуть ниже.

Теперь нам необходимо остановиться на проблеме *рентного характера экономических отношений* в связи с рассматриваемыми в данной статье вопросами хозяйственной деятельности в Арктике.

Экономическая деятельность, как известно, опирается на базовый постулат *сопоставления результатов и затрат при превышении первого над вторым*. Однако данная деятельность протекает в разных природно-климатических условиях с привлечением многочисленных ресурсов естественного (природного) и искусственного (в результате предыдущего труда человека) происхождения.

Важным при этом становится определение затрат, связанных с вовлечением ресурсов в хозяйственный оборот, и их сопоставление для выбора наиболее рациональной (оптимальной) альтернативы. Это естественным образом вытекает из признания факта ограниченности ресурсов для хозяйственной деятельности.

Именно здесь и возникают отношения, определяющие рентный характер экономической деятельности. Выкристаллизовывание общественно-признанных затрат на вовлечение ресурсов в хозяйственный оборот «отсекает» те альтернативы, которые предполагают большую величину издержек, а с другой стороны, позво-

ляет получать дополнительный (выше среднего) доход по альтернативам, где издержки оказываются ниже общественно необходимых [9].

В науке выделяют дифференциальную ренту 1-го и 2-го рода, абсолютную и монопольную ренты. Все они материализуются в возможностях получения прибыли выше средней в результате закрепления при помощи действующих институтов частной собственности права монопольно эксплуатировать и присваивать результат от использования конкретного вида ресурсов (вещества природы или продукта труда).

Это представляется чрезвычайно важным для хозяйственной деятельности именно в Арктике, учитывая особо суровый характер природно-климатических условий, удаленность от объектов транспортной и иной инфраструктуры и малочисленность постоянного в данных районах населения.

Чаще всего рентный характер экономических отношений, и это представляется справедливым, связывают не только со специфической деятельностью человека на земле (сельское и лесное хозяйство), но переносят и на недра (добывающая промышленность), и на хозяйственную деятельность человека на море (добыча рыбы и морепродуктов, добыча полезных ископаемых в акватории морей и проч.).

Это позволяет утверждать, что *специфика тех или иных видов хозяйственной деятельности определяется не существованием общеэкономических факторов* (здесь действуют единые экономические законы), *а характером той природной и созданной человеком среды, в которой осуществляется такая деятельность* (производство и проч.). Именно таким образом следует понимать специфику арктической или морской экономики.

Весь набор неблагоприятных факторов (природа, климат и проч.) позволяет утверждать, что главной спецификой хозяйственной деятельности в Арктике является ее ограниченность величиной (размерами) затрат и по вовлечению ресурсов в хозяйственный оборот, и по их трансформации (превращению) в элементы жизнедеятельности (товары и услуги), и по доведению товаров и услуг до конечных потребителей.

Вернемся к уже упомянутому выше исследованию Ф. Хилл и К. Гэдди и сделанным в нем выводам. Представляется, на первый взгляд, что их аргументы не только не опровергаются общеэкономическим подходом, предложенным в данной статье, но и получают дополнительные аргументы в свою пользу. Однако – это только на первый взгляд.

Принцип ограниченности ресурсов базируется на положении, что главным (определяющим) при выборе альтернативы использования ресурсов становится *абсолютная величина издержек* (затрат). Это выглядит вполне обоснованным: так как затраты на сырье и материалы в конечном итоге определяют и величину про-

дажной цены, на которую реагируют потребители, выбирающие при прочих равных условиях товары с более низкими ценами.

Однако еще в XIX веке Д. Рикардо сформулировал *принцип сравнительных преимуществ*, в основе которого не абсолютные, а относительные затраты, что дает возможность вести достаточно эффективно бизнес и получать преимущества от обмена результатами хозяйственной деятельности и с большими, чем у конкурентов, издержками [10]. Кстати, на этой теоретической основе строится теория внешней торговли и международного разделения труда.

Это означает, что конкурентоспособность (по затратам) производства углеводородов в морях Арктики вполне возможна в недалеком будущем. Уже сегодня начато освоение Приразломного месторождения в Карском море, нефть которого поступает в Мурманский морской порт, где на нефтяном терминале она перегружается в супертанкеры, которые доставляют ее в страны Западной Европы.

Как нам представляется, *сравнительные преимущества в условиях глобализации не только не исчезают, а, наоборот, претерпевают дальнейшую дифференциацию, что приводит к расширению спектра издержек, который признается общественно нормальным*. Это позволяет вести успешную экономическую деятельность (с точки зрения сопоставления результата и затрат) в регионах, где еще вчера это было невозможно (экономически необоснованно). Российская Арктика (ее суша и моря) как раз и находится в таких условиях. Следовательно, *Россия не только не должна сворачивать здесь свое хозяйственное присутствие, но, наоборот, ей необходимо расширять его*. Сделанный общетеоретический вывод следует подкрепить определенными эмпирическими данными.

Считается, что *абсолютная величина* издержек хозяйственной деятельности в российской Арктике существенно выше, чем в других, менее «суровых» по климату, частях нашей страны, не говоря уже о развитых капиталистических странах, так как затраты на воспроизводство (хотя бы) рабочей силы несопоставимы с аналогичными в других регионах России и мира.

Однако, когда речь идет об *относительных затратах* (*относительных преимуществах*), ситуация уже не представляется столь катастрофической для российской Арктики. Это в значительной степени определяется тем, что структура российских цен существенно отличается от аналогичной на Западе.

Напомним, что и абсолютные и относительные цены на энергоносители (нефть, газ, уран) и электроэнергию ниже в России, чем в развитых капиталистических странах [11]. Такое «искажение» (с точки зрения западных экономистов) препятствует развитию рыночных реформ и экономическому прогрессу в целом в Российской Федерации (вспомним хотя бы о том, что

внутрироссийский уровень цен на газ – едва ли не главное препятствие вступления нашей страны в ВТО!). Рамки данной статьи не позволяют по существу комментировать эти, во многом просто политизированные, утверждения.

Очень любопытной, по нашему мнению, представляется попытка некоторых российских исследователей рассмотреть потоки затрат в регионах российской Арктики, учитывая мировой уровень абсолютных и относительных цен (именно они в наибольшей степени отражают общественно признанные издержки вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот). Данные расчеты, например, сделаны для Мурманской области [12].

Представим полученные результаты.

1. Мурманская область имеет устойчивое положительное сальдо ввоза – вывоза, что позволяет говорить о положительном (общем) результате хозяйственной деятельности в этом арктическом регионе.
2. Массовое переселение постоянного населения из области экономически неэффективно. Результаты должны быть прокомментированы. Итак, совокупный положительный результат для Мурманской области выше, чем расчеты в мировых ценах. Это связано, в первую очередь, с затратами на приобретение урана. Дело в том, что в советское время урана было добыто в масштабах, намного превышающих потребности в энергетическом топливе. Если добавить к этому, что общая потребность военных все-

таки сократилась (и это непреодолимая тенденция), то реальные затраты на сырье для Кольской АЭС ниже приведенных авторами расчетов.

Другим важным обстоятельством является вполне реальная возможность превращения Мурманского порта в один из ведущих нефтяных терминалов России. Это связано с уникальным конкурентным преимуществом незамерзающего порта. В частности, по существующим потенциальным (вполне реализуемым) проектам строительства новых для России нефтяных путей (трубо- и прочих нефтепроводных систем) Мурманская трубопроводная система является самой крупной по пропускной способности (50–70 млн. т. в год) [13]. Данное развитие событий не только исключает массовое переселение, но позволяет говорить о возможном дефиците трудовых ресурсов.

Понятно, что не стоит абсолютизировать полученные расчеты по Мурманской области (о чем, кстати, говорят и авторы), но их невозможно игнорировать. *Вероятно, не вся российская Арктика может в ближайшее время стать пространством для динамичного экономического развития, но, с другой стороны, очевидно, что Россия не должна «уходить» со своих северных арктических территорий. Данный вывод обусловлен, как нам представляется, не только политическими резонами, но, что здесь принципиально, соображениями экономической эффективности хозяйственной деятельности в Арктике (в ее морях и на суше).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот список может быть, вероятно, продолжен, однако рамки статьи не позволяют рассмотреть другие аспекты поставленной проблемы (экономико-географические, экономико-политические, военные и проч.). Мы сконцентрируемся на общеэкономических причинах расширения хозяйственной активности в морях и на суше Арктики.
2. О проблеме глобализации и основных подходах к ней см.: Аэроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Глобализация в России: проблемы демократического развития. М., 2004; Добрынин А. Глобализация – экономическая теория XXI века // Экономика и управление. 2002. № 2; Медведев В. Глобализация экономики? Тенденции и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2; Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002; Чешков М. О видении глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения 1999. № 6; Шишков Ю. Решающие полвека в истории человечества. М., 2004 и многие другие.
3. Характерной особенностью европейского типа интеграции является значительная роль наднациональных институтов, в отличие от североамериканского, где «локомотивом» интеграции выступают не наднациональные органы, а крупнейшие, прежде всего американские, транснациональные корпорации. Роль же наднациональных институтов сведена к минимуму.
4. Например, российские фирмы, прошедшие соответствующие процедуры на иностранных фондовых рынках (Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт-на-Майне) вполне «вписываются» в институциональные рамки, признанные в развитых странах, и получают возможность привлечения достаточно крупных «длинных» финансовых ресурсов на условиях, невозможных у себя дома, в России. Российская МТС, котирующая акции на ведущих мировых биржах, получила недавно синдицированный кредит западных банков на сумму в 600 млн. долл., на три года под 4,5 % годовых, что совершенно невозможно у себя на Родине.
5. Подробнее см.: Наука и жизнь. 2004. № 6. С. 2–9; Патин С. А. Нефть и экология континентального шельфа. М.: ВНИРО, 2001. С. 247 и проч.
6. См.: Макконнелл К., Брю С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. М.: Республика, 1992 и многие другие базовые учебники по экономической теории.
7. Hill F., Gaddy C. Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, 2003. 240 p.
8. Стоит здесь вспомнить и о книге А. Паршева «Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь». (М., 2000).
9. Заметим, что теория ренты в экономической науке формировалась в XVIII–XIX веках, прежде всего в исследованиях классиков политэкономии Д. Рикардо и К. Маркса. Они в качестве эмпирической базы для определения рентного характера экономических отношений использовали рассмотрение сельскохозяйственного производства, непосредственным образом связанного не только с различиями в качестве и местоположении участков земли, но и существованием института частной собственности на землю, затрудняющего перелив капитала.

10. Подробнее см.: Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Пер. с англ. // Рикардо Д. Соч. Т. 1. М., 1955.
11. Внутророссийские цены на газ в 2–3 раза ниже, чем в основных развитых капиталистических странах. Здесь возникают длинные мультипликационные цепочки, а именно: низкие цены на газ – низкие цены на электроэнергию (внутри-российские тарифы на электроэнергию для производственных нужд в 2–6 раз ниже, чем в США, Японии, Германии, Великобритании, Канаде) – низкий уровень производственных издержек в энерго- и электроемких производствах. Стоит к этому добавить еще и более низкий (по сравнению с западным) уровень зарплат. В конце концов, на «выходе» мы получаем для РФ очевидное конкурентное преимущество в затратах в целом (черные, цветные металлы, бумага, металлопродукция и проч.). Кому же это понравится? (Подробнее см.: Эксперт. 2004. № 13. С. 50–54).
12. Подробнее см. статью сотрудников Института экономических проблем Кольского научного Центра РАН Д. Егорова и А. Егоровой (ЭКО. 2004. № 12. С. 131–139).
13. Подробнее см.: Эксперт. 2004. № 38. С. 39–43.